

А. В. Перцев

ВОЗМОЖНО ЛИ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ?

Дни философии в Санкт-Петербурге в 2012 г. были посвящены проблемам образования. Это очень актуальная тема, ибо система образования сегодня переживает реформы, которые продолжают вот уже почти 20 лет. Конца им не видно: совсем недавно власть объявила о сокращении количества вузов. Сокращаются те из них, которые признаны неэффективными согласно специальному рейтингу. Показатели рейтинга таковы, что в числе неэффективных оказались главным образом вузы гуманитарные. В них нет большого числа иностранных студентов: на иностранном языке гуманитарные предметы преподавать затруднительно, а русским иностранцы не владеют в достаточной мере. Гуманитарные вузы и факультеты не могут привлекать большие гранты: размер гранта по гуманитарным дисциплинам в десятки и даже сотни раз меньше, чем по наукам естественным и техническим. Гуманитарные вузы и факультеты не могут обеспечить престижных публикаций за рубежом: их тематика редко вызывает там интерес. Наконец, гуманитарные вузы не имеют возможности приглашать зарубежных специалистов-«звезд», так как проблемами российской культуры и духовной жизни за рубежом занимаются только на факультетах славистики и «звезд», сравнимых с отечественными, там не очень много, а уж «звезд», известных в мировом научном сообществе — в том числе естествоиспытателям, — нет вообще.

Применение критериев, по которым определяется рейтинг технических и естественнонаучных факультетов, к факультетам гуманитарным обрекает их на статус «неэффективных», а потому подлежащих сокращению и закрытию. И власть на протяжении нескольких лет сокращала количество бюджетных мест на гуманитарных факультетах — в среднем приблизительно на 10% в год. Это мотивировалось тем, что в стране намечилось перепроизводство специалистов по менеджменту, праву, экономике. Но эти специальности лишь условно можно отнести к гуманитарным, а между тем сокращаются все гуманитарные учебные места, в том числе — места на философских, филологических, исторических факультетах. Частные же вузы философов, филологов и историков не готовят.

Возникает обоснованное впечатление, что гуманитарные науки, и в частности философия, о которой мы будем говорить, у власти интереса не вызывают. Она не ждет от них помощи и поддержки. На собраниях научной общественности, где выступают высшие представители российской власти, словосочетания «гуманитарные науки», «общественные науки» вообще не звучат. Никаких задач перед этими науками власти не ставят.

Такова ситуация, в которой мы задаёмся вопросом: что такое просвещение и как оно возможно сегодня в России?

В сегодняшней ситуации, как следует из вышесказанного, о просвещении говорить не приходится. Просвещение, возникшее в Новое время в Европе, предполагало быть

Перцев Александр Владимирович — д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: alexander.pertzev@usu.ru

© А. В. Перцев, 2013

посредником между властью и народом — при том что власть заслуживала звания просвещенной хотя бы в перспективе. Феномен Просвещения заключался в том, что, во-первых, просветители составляли свой план развития страны, ее научно-технического прогресса и оптимальных для него социальных отношений. Во-вторых, они первым делом просвещали властителя, раскрывая перед ним преимущества просвещенного государства. В-третьих, они оставались консультантами при правителе, параллельно налаживая систему подготовки кадров, которые будут заниматься просвещением народа — доведением до него, «темного» и непросвещенного, планов развития страны и знаний, для этого необходимых.

Если такое, или приблизительно такое, соотношение просвещения и власти сохранялось в России почти до 1991 г., то после распада СССР от сценария просвещения власть отказалась. Восторжествовавший в 90-е годы XX в. либерализм, следуя извечной советской привычке «догонять и перегонять», решил перескочить через стадию *просветительской подготовки к свободе* сразу на стадию либерализма зрелого, при котором каждый способен сознательно и ответственно делать свой свободный выбор. Отмена гуманитарных и общественных дисциплин, которые на свой лад легитимировали «реальный социализм», обернулась утратой ценностных ориентиров и общих представлений о курсе, которым движется страна. Это состояние кое-кто склонен трактовать как свободу слова и мысли. Предполагается, что народ в одночасье стал настолько свободным, мыслящим и ответственным, что может сам заказывать себе образовательные услуги в гуманитарной сфере.

Но мы сейчас хотим обратить внимание на другое: в государственных школах и вузах продолжается преподавание «предметной области», которая объединяет начала философии, экономики, социологии и политологии. Государство, таким образом, учит чему-то гуманитарному. Но чему именно? Что именно преподается народу? И почему власть явно не устраивает то, что преподается?

Причина состоит в том, что *политический курс нынешней власти*, который в Европе принято называть консервативным, *учебниками по обществознанию вообще не предусмотрен*. Он никак не вписывается в те представления об обществе, об истории и политике, которые формируются школой и вузом. Руководители образования, увлекшиеся формальной стороной дела (образовательными стандартами, системой управления качеством и т. п.), утратили способность к содержательному анализу преподаваемого. Иначе они пришли бы к выводу, что в учебниках для школьников и студентов изложены четыре «подхода» к пониманию общества, причем эти подходы абсолютно исключают друг друга.

Первый, так называемый «формационный подход», есть не что иное, как подход *марксистский*. В соответствии с ним, все страны мира идут по одному и тому же пути и проходят закономерно и неотвратимо общественно-экономические формации, отличающиеся друг от друга отношениями людей по поводу производства, т. е. формами собственности. Первобытно-общинный строй сменяется рабовладением, затем следует феодализм, далее — капитализм, а за ним наступают социализм и коммунизм как две стадии коммунистической общественно-экономической формации. До 1991 г. было принято полагать, что в РСФСР и других советских республиках построен развитой социализм. Следовательно, в соответствии с «формационным подходом», нынешняя власть необоснованно и волюнтаристски повернула развитие страны вспять и заняла строительством капитализма. Это ненаучно, потому что противоречит школьному

учебнику. Прав же, в соответствии с ним, товарищ Г. А. Зюганов, который зовет вернуться к достигнутым социалистическим высотам.

Второй «подход», который одно время представлялся как *цивилизационный*, представляет собой не что иное, как пересказ американской социологии индустриализма. В первоначальном варианте эти идеи были изложены в работе У.Ростоу «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960), нацеленной на то, чтобы опровергнуть хрущевскую Программу КПСС. (Как видим, эти идеи непримиримых противников сегодняшним школьникам предлагают изучать параллельно.) Впоследствии стараниями Д. Белла, З. Бжезинского, Дж. Гэлбрайта идеи У.Ростоу были модернизированы и упрощены, а затем российская школа времен правления либералов превратила их в идейную апологию либерализма. Суть «цивилизационного подхода» в варианте американской социологии индустриализма заключается в том, что все народы мира идут одним путем и проходят три основные стадии: традиционное общество, индустриальное общество, постиндустриальное (информационное) общество. Традиционное общество основано на традициях, не допускает инноваций, абсолютизирует опыт предков. Большинство людей в этом обществе занято производством продуктов питания. Одежда, обувь, прочие необходимые для жизни предметы производятся в каждом крестьянском («натуральном») хозяйстве. Специализация, разделение труда и рынок отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии. Индустриальное общество начинается тогда, когда появляется наука (естественная и техническая) и основанная на ней тяжелая индустрия, позволяющая изготавливать машины. Центр жизни переносится из деревни в город. Деревня становится отсталой, индустриальный город — передовым. Появляется развитый рынок, требующий высокой специализации, профессионального разделения труда. Наконец, возникает постиндустриальное (информационное) общество, в котором главной ценностью становится информация, а приоритетом в производстве пользуются товары широкого потребления, прежде всего — обеспечивающие поддержание статуса членов общества. Индустриальные города, не ориентированные на оказание услуг и производство информации, становятся захолустьем («моногород» — синоним отсталости и кризиса), на передний край выходят наукограды, а также города, в которых преобладают торговля и оказание всяческих услуг развлекательного характера. (Уже У.Ростоу называл последнюю стадию экономического роста «эрой высокого массового потребления».)

Если принять логику американской социологии индустриализма и понимать «цивилизационный подход» в ее духе, то самой прогрессивной и передовой силой в современном российском обществе являются программисты и пользователи компьютеров, производители и продавцы сотовых телефонов, журналисты, работники, связанные с Интернетом, и т. п. Они, в свою очередь, продвигают — вольно или невольно, благодаря рекламе, внедряемой между их информационными материалами, — товары массового потребления. Впрочем, вернее будет сказать, что они обеспечивают таким образом *статусное потребление*, при котором лишь обладание вещью определенного качества придает человеку положение в обществе, обеспечивает статус и престиж. С экономической точки зрения это заставляет избавляться от «устаревших» вещей еще до того, как они перестанут выполнять свои функции, и позволяет избежать кризиса перепроизводства, быстро возвращая деньги, выданные в виде заработной платы, обратно в производство.

По этой логике всё, что связано с компьютерами и современными средствами связи, — включая «офисный планктон» и всех пользователей Интернета — является ныне солью российской земли. Работать в промышленности и в сельском хозяйстве — удел людей отсталых, задержавшихся на традиционной и индустриальной стадиях.

Распространение такой версии «цивилизационного подхода» заставляет школу и вуз теоретически поддерживать тех, кто выходит на площади и участвует в митингах оппозиции. Это они — не востребовавшие обществом программисты, экономисты, менеджеры, юристы, объединившись вокруг Интернета, бросают вызов всей остальной России, говоря, что она — страна отсталая, чересчур сельскохозяйственная и индустриальная. Менее заметны, но гораздо более опасны для общества всякого рода «контролёры качества», «стандартизаторы», разработчики компьютерных систем учета и т. п. Они тоже полагают, что информация о производстве, политике и культуре — важнее самого производства, политики и культуры, а главной задачей всех учреждений и организаций считают «совершенствование документооборота».

Кризис, ударивший по Западу, состоял именно в том, что западному обществу были навязаны чересчур высокие стандарты статусного потребления. Чтобы сохранить свое положение в обществе, люди современной западной цивилизации были вынуждены покупать в кредит все больше и больше статусных вещей, включая современное жилье, автомобили, технику, а в результате оказались не в состоянии выплачивать эти кредиты. В изменившихся условиях им пришлось довольствоваться самым необходимым для жизни и отказаться от всего лишнего. Здесь-то и обнаружился масштаб истинных ценностей. Люди отказались от излишнего «информационного обеспечения» и «индустрии услуг», т. е. от всего того, что провозглашалось главной ценностью в информационном (постиндустриальном) обществе. «Схлопнулась» именно та часть «псевдо-экономики», которая «производила» информацию и рекламу, а также формировала всякие «бренды» и «имиджи». Кризис лучше всего выдержали самые *индустриальные* страны — вроде Германии, которые оказались на поверку вовсе не отсталыми, а, наоборот, передовыми, и которым пришлось вытягивать из кризиса тех, кто уповал на оказание услуг (туризм и т. п.). Разумеется, достижения компьютерной индустрии и современных средств связи используются и в сегодняшних индустриальных обществах — но *только в соединении с реальным, материальным производством и на службе ему.*

В соответствии с современными реалиями пора признать построения социологии индустриализма небезупречными — если не совсем ложными, то требующими существенной корректировки. Ведь ценностью обладает вовсе не всякая информация. Та информация, которая производится и распространяется миллионами пользователей компьютеров и сотовых телефонов, по большей части никакой ценностью не обладает. Теория информационного общества выгодна производителям компьютеров и современных средств связи: они продают людям право общаться, заявляя, что их обыденные рассуждения, транслируемые в Интернете и сотовых сетях, — главная ценность на свете. Им выгодно так говорить. Но с точки зрения науки это отнюдь не так. Самым большим производителем информации оказывается выходец из традиционного общества, который говорит по сотовому телефону даже за рулем своего микроавтобуса, перевозя пассажиров, — именно потому, что у него, как это водится в традиционном обществе, огромное количество родственников-абонентов. Информационный шум производят различные спамеры — как люди, так и роботы, а также люди, тиражирующие рекламу

и прочие информационные материалы в Интернете. Большую часть материалов Интернета составляют порносайты и публикации «желтой» прессы. Не выше ценность всякого рода обсуждений — они не превосходят по уровню беседы «пикейных жилетов». Информационного хлама добавляют и всякого рода компьютерные «контролёры качества» — не только трата времени на все возрастающую отчетность, но и содержание этих паразитов резко повышает производственные затраты в стране и делает ее неконкурентоспособной на мировом рынке. Производители без компьютерных офисов производят больше и дешевле, чем производители с компьютерными офисами.

Третий «подход» к объяснению современности, встречающийся в учебной литературе школ и вузов России, — это такой «цивилизационный подход», который связывается с именами О. Шпенглера и А. Тойнби. Уже в учебнике Л. И. Семенниковой [1], где были впервые заложены современные — довольно сумбурные — представления о «цивилизационном подходе», путаются вещи, которые смешивать никак нельзя. О цивилизациях говорят и представители американской социологии индустриализма, и О. Шпенглер. Но из этого вовсе не следует, что они в равной степени сторонники «цивилизационного подхода».

Американская социология индустриализма полагает, что все человечество идет одним и тем же путем, а отдельные страны при этом соревнуются друг с другом. Тот, кто ушел вперед, — лидер, и он более ценен, чем аутсайдер. Америка является мировым лидером, поскольку именно она обладает наиболее развитыми информационными технологиями. А страны, где не произошла компьютерная революция, — отсталые. Им надо догонять Америку, но на это у них уйдут века.

О. Шпенглер говорит нечто совершенно иное. Он отрицает, что все народы мира идут одним и тем же путем, или, точнее, бегут по одной и той же дорожке, состязаясь между собой. Цивилизации у О. Шпенглера не соревнуются — они живут изолированной жизнью. О. Шпенглер сравнивает их с цветами разных видов, которые растут на одной клумбе, но при этом у каждого из видов — свой жизненный цикл. Разные цветы всходят и расцветают в разное время, даже закрываются и раскрываются в разное время суток, так что ромашка не соревнуется с розой и не стремится обогнать ее. (В такого рода сравнениях сказывается попытка немца-Шпенглера оправдаться за поражение в Первой мировой войне: страны Антанты и США не победили Германию, просто столкнулись миры, которые живут в разном темпе и ритме, — их вообще нельзя сравнивать и судить, кто победил.) У каждой культуры — своя душа, и эта душа уникальна. Душа Индии несопоставима с душой Греции, а обе эти национальные души — с душой Западного мира. Каждая страна стоит на месте, чаруя собой и демонстрируя свою уникальную душу.

Общее между разными культурами, по О. Шпенглеру, состоит единственно в том, что каждая из них, как и любой живой организм, проходит две стадии развития. На первой из них, переживая детство и молодость, организм является гибким, склонен творить, импровизировать, изобретать новое. Эта стадия — собственно культура — превыше всего ценит пророков, поэтов и вождей. Когда культура достигает зрелости и начинает стареть, наступает ее отверждение и закоснение. Только что вылупившийся из желудя дуб — это подвижный гибкий зеленый росток, способный развивать невиданную силу — даже проламывать асфальт; зрелый дуб производит впечатление мощи, но именно его ломает буря, поскольку он затвердел и не гнется. Точно так же новорожденная культура предельно гибка, она ищет новые, эффективные формы жизни,

ее вожди импровизируют, не оглядываясь на право, ее поэты творят то, чего не было раньше, ее пророки прорицают, не озираясь ни какие научные законы. Культура, достигшая зрелости, обрастает всеомертвляющей бюрократией: на место политика эта затвердевшая и постаревшая культура ставит юриста, ограничивающего импровизацию законами; место поэта занимает инженер. Такую умирающую, *закатывающуюся* культуру О. Шпенглер называет цивилизацией. Она — предвестие смерти, а вовсе не лидерское достижение, как то утверждают приверженцы социологии индустриализма.

Так что единого «цивилизационного подхода», увы, не получается, а в головах школьников и студентов возникает несусветная каша.

Профессиональные историки отвергли теорию локальных цивилизаций любителя-Шпенглера: они показали, что за время, которое тот отводит на жизнь одной цивилизации, — полтысячи лет — она никак не могла бы развиться и развернуться.

Но у нас есть более легкий способ убедиться в лженаучности учения О. Шпенглера и его последователей. Почитаем, что этот теоретик пишет о русских, и сопоставим с нашим жизненным опытом:

«Русская жизнь имеет иной (чем в Европе. — А. П.) *смысл*. Бесконечная равнина создала более мягкую душу народа (*Volkstum*), покорную и меланхоличную, и душа эта внутренне тоже растекается по плоской широте, лишённая подлинно личностной воли, склонная подчиняться. Это — предпосылка большой политики от Чингисхана до Ленина. Русские, кроме того, полукочевники — *еще и по сей день*. Даже советскому режиму не удалось воспрепятствовать постоянным переходам фабричных рабочих с одной фабрики на другую — блужданиям без особой нужды, просто из тяги к странствиям. (Ср. многие рассказы Лескова и прежде всего Горького.) Поэтому опытные специалисты в России так редки. И для крестьян родина — это не деревня, не место их рождения, а широкая русская равнина. Даже “мир”, как называется аграрный коммунизм, который вовсе не представляет собой чего-то древнего, а проистекает из техники управления, созданной царскими правительствами для сбора налогов, не мог привязать душевно крестьян, подобно тому как германские крестьяне привязаны к своему клочку земли и к родному дому. Они устремлялись многими тысячами во вновь открытые области южнорусских степей, Кавказа и Туркестана, чтобы удовлетворить свою страсть к поиску границ бесконечного. Этой черте соответствует непрерывное расширение империи до естественных границ — морей и высоких гор. В XVI в. была занята и заселена Сибирь до озера Байкал, в XVII в. — до Тихого океана» [2, с. 110–111].

Народ с покорной и меланхоличной душой, напомним, победил во Второй мировой войне воинственных тевтонов. Ограничимся здесь этим замечанием¹. Отметим только, что приведенную цитату следовало бы включить в школьные и вузовские учебники, толкующие «цивилизационный подход», — и тогда молодежь немедленно распознала бы несостоятельность шпенглеровской концепции истории.

Но уже, похоже, намечается **четвертый** «подход» к толкованию российской истории. Провозглашается, что российская культура уникальна, что она ни с кем не соревнуется и вовсе не стремится догнать Запад, поэтому никто не вправе учить Россию, как жить. Россия уникальна — но основой ее уникальности является вовсе не описанная О. Шпенглером русская бродяжья душа, а *православие*. Как раз не изменчивость и не

¹ Более подробная критика воззрений О. Шпенглера на русскую душу, составляющую суть русской локальной цивилизации, содержится в нашей книге [3].

бродяжничество, а предельная устойчивость, крепость в вере, недопущение никаких изменений в ней — вот сила России. Москва — это третий Рим. Первые два, Рим и Константинополь, пали, потому что допустили перемены, а Москва будет стоять, поскольку не меняется. Именно так учил старец Филофей. Этот «подход», похоже, также стал внедряться в школах и в вузах (с 4-го класса и вплоть до старших курсов).

Однако для курса на модернизацию и инновации, который провозглашен властью, этот «подход» тоже ничего не дает, поскольку Русская православная церковь осуждает обольщение достижениями научно-технического прогресса, а изобретателей-инноваторов называет каиновым семенем.

Вот цитата из программного документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятого на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, который состоялся в Москве 13–16 августа 2000 г. [4, с. 352]:

VI. Труд и его плоды

<...>

VI. 3. Совершенствование орудий и методов труда, его профессиональное разделение и переход от простых его форм к более сложным способствует улучшению материальных условий жизни человека. Однако обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога. Реализация подобных устремлений в истории человечества всегда заканчивалась трагически.

VI. 4 С христианской точки зрения труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда являет собой сотрудничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти.

Священное Писание свидетельствует о двух нравственных побуждениях к труду: трудиться, чтобы питаться самому, никого не тяготя, и трудиться, чтобы давать нуждающемуся.

Труд не богоугоден, если он направлен на получение прибыли, и, стало быть, всякое предпринимательство, которое по уставу предприятий и фирм направлено на извлечение прибыли, богоугодным не является. А технологические инновации удаляют человека от Творца. Именно этому и должны воспрепятствовать богословские кафедры в современных российских технических вузах.

Подведем итог сказанному.

Ни одна из распространяемых ныне через систему образования трактовок российской истории не «работает» на теоретическую легитимацию политического курса современной российской власти. Одна из них подкрепляет позиции коммунистов, вторая льет воду на мельницу либералов, третья усиливает позиции правых сил, требующих вернуться к старорусским порядкам и нравам, изолируясь от тлетворных европейских влияний. Власти не приходится также ждать, что в университетах появится некая новая концепция истории, ибо внедрение образовательных стандартов и программ парализовало здесь всякое творчество.

Таким образом, современное Просвещение, как взаимодействие общественной науки и власти, невозможно. Образование в современной России работает против ре-

форм, направленных на создание рыночной экономики и конкуренции, демократии с сохранением национальных и культурных особенностей России.

Означает ли это, что вообще не существует философии, отвечающей курсу политического консерватизма, который стремится сочетать рыночную экономику с сильным, отстаивающим национальные интересы государством и одинаково противостоит как либерализму без берегов, так и коммунизму? Такая философия в Европе и в России была, и называлась она «философией жизни». Ее главное понятие — воля, вооруженная разумом. Ее главные ценности — честное состязание с победой достойного, патриотизм как отстаивание коренных интересов собственной страны в конкуренции на мировой арене, социальное творчество, регулярно освобождающееся от бюрократических рамок. Но именно этой философии в учебниках как раз и нет. Она не предусмотрена самоновейшими программами и стандартами для подрастающих поколений.

Литература

1. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 1995. 608 с.
2. Spengler O. Politische Schriften. Volksausgabe. Munchen; Berlin: C. H. Beck'schen Verlagsbuchhandlung, 1934. 337 S.
3. Перцев А. В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 340 с.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Православие и духовное возрождение России. Екатеринбург: Пироговъ, 2003. 415 с.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2012 г.